

Анвар

Мамраимов

ОТЕЦ

...Кавалерийская атака была стремительной. «Сотня юных бойцов» с шашками наголо мчалась ураганом на врага. Только пуля была куда быстрее, а автоматные очереди неприятеля осыпали поле брани смертоносным свинцовым дождем. И падали навзничь бойцы. Стоны, истошные крики и отборная ругань заглушали топот сотен копыт. Ад крошечный воцарился над украинской степью, поросшей бурьяном. И кони, потерявшие своих седоков, совсем обезумели. Одни, увлекаемые атакующим потоком, неслись на врага, другие преграждали путь оставшимся в живых кавалеристам, спотыкаясь и падая перед ними. Запах полевых цветов и дикой травы смешался с отвратительным смрадом крови. Но не взять укрепленный окоп, где засела небольшая группа немецких автоматчиков, конники не могли. Приказ: «Умереть, но выбить врага с безымянной высоты!».

В первом же бою отец потерял своего верного друга – коня. И несколько десятков однополчан. Из кавалерийской сотни уцелело семеро...

«Наше время – иное, лихое, но счастье, как встарь, ищи!
И в погоню летим мы за ним, убегающим вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
На скаку не заметив, что рядом товарища нет».

...Вы когда-нибудь встречали мужчину, которому не к лицу военная форма? Если китель или гимнастерка с погонами не идет представителю сильной половины человечества, значит, это... не мужчина! А если серьезно, лычки, лампасы, галифе, бескозырки, тельняшки, шапки-ушанки с красной звездой и прочая военная одежда и атрибутика, на мой взгляд, главное украшение любого – от рядового до генерала.

Я никогда не видел отца в военной форме. Потому что родился спустя мушель (у казахов – отрезок жизни, равный 12 годам) после окончания Великой Отечественной. Боевыми дорогами мой папа – Мамраимов Перман прошел через Украину, Белоруссию, Польшу, Германию – до самого логова смертельного врага – Берлина. Хорошо, что остались фотографии...

«И глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят.
Этот взгляд, словно высший суд, для ребят, что сейчас растут.
И мальчишкам нельзя – ни простить, ни обмануть,
Ни с пути свернуть...»

На 9 Мая всегда стараюсь приехать на свою малую родину, в дом, который помнит родителей. На этот раз не пошел на торжества, которые проводятся в

День Победы. Под марш «Прощание славянки», который доносился с улицы через открытые окна, открыл папин фронтной альбом.

Здесь каждая фотография – бесценный документ о прошедшей войне. На обороте друзья-однополчане писали отцу, которого называли на русский манер Петром, сердечные слова.

«На память другу Петру Мамраимову от Берендеева Василия Ивановича в день демобилизации. Город Ораниенбург, Германия».

«Петя! Вспоминай наши похождения, дружбу-службу и веселье. Александр Лищенко. Город Вернойхен».

«На долгую и добрую память лучшему другу Петру Мамраимову. Снялся во время военной службы в Германии. Петр Бойко».

«На память другу дорогому Петру – от Саши и Леши. Снимались для «дембельского» альбома».

«На долгую память лучшему другу Пете от Андрея. Быть может, когда-нибудь вспомнишь наши бои в Германии».

«Петро, я сегодня возвращаюсь домой, отслужил. Иногда гляди на эту морду и вспоминай нашу фронтную дружбу. Может, мы с тобой еще и встретимся, ведь Житомир и Казахстан – рядом. Костя Васильев».

Крепче фронтового братства быть ничего не могло. Эта дружба проверена в кровопролитных боях, где «один за всех и все – за одного!». Иначе победить в смертельной схватке было невозможно.

«Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон,
Принял пулю на вздохе,
Но на Запад, на Запад ползет батальон,
Чтобы солнце взошло на Востоке».

Начинал войну Перман Мамраимов в кавалерийских частях. Не могло быть иначе, мой отец – прямой потомок номадов, для которых конь был боевым спутником не одно столетие.

«Как призывный набат прозвучали в ночи тяжело шаги, –
Значит, скоро и нам уходить и прощаться без слов.
По нехоженным тропам протопали лошади, лошади,
Неизвестно: к какому концу унося седоков...»

Бывая в Европе, пытаюсь смотреть на цивилизованные страны глазами папы. Это сейчас никого и ничем не удивить. А тогда, в сороковые... Для молодого бойца, наверное, все было открытием и откровением. И чужая культура, и незнакомые языки, и люди с непохожим менталитетом. И архитектурные памятники: соборы, церкви, королевские замки, дворцы, костелы... Ничего похожего на нашу жизнь. Но старшина Мамраимов прекрасно понимал: отсюда, из, казалось бы, самого центра цивилизации пришел враг, который хочет поработить его Родину под названием Советский Союз. Неприятель страшен и беспощаден. И драться с ним нужно не на жизнь, а на смерть. Противник лучше вооружен и преуспел в боях, завоевав практически весь континент, именуемый Старым Светом. Тогда солдат из Казахстана вместе с боевыми товарищами из самых разных уголков страны Советов сначала остановил фашистские армады под Москвой, Ленингра-

дом, Сталинградом, а потом сам перешел в наступление, пробившись в Европу. А границы наши бойцы пересекали, не предъявляя паспортов и таможенных деклараций. С жесточайшими боями и неисчислимыми потерями. На войне как на войне!

«У воинов один закон, один конец –
Коли-руби фашистского бродягу!
И если не поймаешь в грудь свинец,
Медаль на грудь поймаешь "За отвагу"».

Так уж получилось, что отец «поймал и в грудь свинец» – трижды ранен, но, к счастью, выжил – и «медаль на грудь». Для рядового состава – «За отвагу» – наивысшая награда. У папы таких было две. Не сохранилось ни одной. После войны у нас, в южно-казахстанских аулах была удивительная традиция. Мужчины-ветераны дарили свои медали представительницам прекрасного пола, которые их... вплетали в роскошные косы. Боевые награды были самым дорогим украшением у женщин. Говорят, пожилая родственница выпросила у папы его главные реликвии...

«Я полмира почти через злые бои
Прошагал и прополз с батальоном,
А обратно меня за заслуги мои
Санитарным везли эшеленом».

Так зачем же люди воюют? Развязывают войны, убивают и калечат друг друга миллионами. Какой шайтан, черт, сатана толкает народы на бойню? Неисчислимые беды и страдания выпадают на аулы, города, страны, целые континенты. Не зря войну называют великой разлучницей. Жены теряют мужей, матери – сыновей, дети – отцов... Кому все это нужно?! И, провозжая самых близких людей на фронт, никто не знает: вернутся ли защитники Родины обратно. И тяжелейшая доля тех, кто остался – ждать. Надеяться и верить. К великому счастью, мой отец вернулся. Верная боевая «подруга» папы не дожидая до этого счастливого дня. Лошадь пришлось поменять на... железного коня. Перман Мамраимов пришел, а, вернее, приехал из Германии на мотоцикле. Трофейном. Те из молодых, кто считает, что в начале 90-х первыми пригнали немецкие авто на пространство бывшего Союза, глубоко ошибаются. Начало положили советские солдаты, в 45-м победившие врага. В качестве компенсации за материальные и людские потери – сверхмощные германские машины и мотоциклы.

«Мы вас встретим и пеших, и конных,
Утомленных, нецелых – любых.
Только б не пустота похоронных,
Не предчувствие их.
Мы вас ждем – торопите коней...
Пусть попутные ветры ласкают вам спины...
Возвращайтесь скорей!»

Отец никогда о войне не рассказывал. У ветеранов Второй мировой это не очень любимая тема. Что сдерживает седовласых стариков, не знаю. Мой папа ушел из жизни очень рано – в 52 года. Сказались тяжелейшие ранения.

«Реже, меньше ноют раны.
Четверть века – срок большой.
Но в виски, как в барабаны,
Бьется память, рвется в бой...»

9 мая 1975 года Перман Мамраимов получил поздравление от министра обороны СССР, Маршала Советского Союза Андрея Гречко. Через два месяца папы не стало. В тот год страна отмечала тридцатилетие Великой Победы.

«И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
Про войну будут детские игры с названиями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.
А когда отгрохочет, когда отгорит и отплатится,
И когда наши кони под нами устанут скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платица, –
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять».

МАМА

- Пара хорошая, но жить не будут.
- ?
- На днях зарегистрировала Ирину с Володей.
- ?!

– Твоя одноклассница Саулина вышла замуж за музыканта Миклошича! – отвечает, немного раздражаясь моему безграничному тугоумию, мама.

С дороги понять ничего не могу. Только приехал в Кентау, где не живу уже несколько лет. Насколько знаю, Ирина обитает, как и я, в Алма-Ате, но мы с ней не видимся. Лишь изредка созваниваемся. Миклошич – бас-гитарист группы, которую впоследствии нарекут «А-Студио». Как их занесло в провинцию? Но факт остается фактом: моя мама – Гиниятуллина Гаухар Бахытжановна – заведующая Кентауским городским ЗАГСом узаконила очередной брак. С тех пор минуло четверть века...

Хорошее дело, как известно, «браком» не назовут. Но если серьезно, мама дала жизнь десяткам тысяч семей, которые сегодня живут в Греции, Германии, России, Белоруссии, Израиле, Канаде, Соединенных Штатах, Литве, Франции... Эмиграция моего родного города коснулась, пожалуй, как никакого другого. Восьмидесятитысячный Кентау считали своей «малой родиной» люди многих национальностей. После полнейшего развала в начале девяностых этот некогда райский уголок на юге Казахстана покинула половина коренных горожан. Как-то заглянул в Интернет, на сайт, организованный кентаусцами. Без слез невозможно читать то, что пишут мои бывшие земляки, разбросанные ныне по всем континентам Земли. Но есть, к счастью, и те, кто остался верен своему Городу до конца.

...Моя мама – россиянка. Родилась и выросла в Оренбурге. Потом – учеба в Кызыл-Ординском педагогическом институте, работа в городе Аральск – вначале педагогом, а затем заведующей отделом горкома комсомола. В городе Туркестане произошла судьбоносная встреча с будущим мужем, моим папой, Мамраимовым Перманом – героем Великой Отечественной. После войны отец вернулся из

Германии лишь в 1950 году. По комсомольской путевке моих родителей направили в Кентау. Можно с уверенностью сказать, что я пошел по маминым стопам, так как первое место работы Гаухар Гиниятуллиной в молодом городе – газета «Кентауская правда». Едва заметная точка на географической карте стала заметным явлением в жизни огромного государства под названием Советский Союз. Объяснение простое: созданный здесь комбинат «Ачполиметалл» работал на «оборонку». Оборонная промышленность нуждалась в сырье. Руда, из которой выплавляли пули, гранаты, снаряды, добывалась на рудниках комбината. Вот и вся логика. С великолепными специалистами-инженерами горного дела из Москвы, Киева, Минска, Ленинграда, Свердловска приехали их жены, в основном учителя. Благодарен судьбе за этот подарок. Педагоги, давшие образование местным детишкам, многим открыли Дорогу в большое будущее. Кентауские выпускники поступали в самые престижные вузы бывшего Союза, что называется, без всякой напряги. Школьное образование в советское время нарекли средним.

Но в Кентау, поверьте мне, оно было гораздо выше среднего. Оно было высшим! В университете я почти не готовился к зачетам и экзаменам – хватало основы, полученной в одной из кентауских школ.

...Как известно, «люди встречаются, люди влюбляются, женятся». Ученики Кентау тоже имели обыкновение вырастать и превращаться из детей в родителей. Но как стать законными супругами без «Свидетельства о браке»? В молодом городе возникла необходимость создания ЗАГСа. А вслед за этим нужно было найти специалиста, который сумел бы не только соединить людские судьбы, но и, к сожалению, разъединить их. Необходимо фиксировать рождение детей (50 тысячам новорожденных оформила первый в жизни документ Гаухар-апай), а также, как это ни прискорбно, уход людей в мир иной... Люди имеют обыкновение не только появляться на «свет божий», но и умирать. Как там у русского классика: «Жизнь прекрасна, но и умирать как-то надо».

В чем жизни смысл – ни ты, ни я – не знаем.

Два дня ты рад, четыре дня – терзаем...

Мир схож с нелепым караван-сараям,

Там, бросив кладь, все в дальний путь уйдут!

Это уже из восточной поэзии.

Но все это – лирика. ЗАГС – дело в основном прозаичное. «Запись актов гражданского состояния». В такой работе лучший выбор – человек-сухарь. Но в Кентауском горисполкоме решили иначе. В многонациональном городе нужно было уметь общаться на разных языках. Сегодня в суверенном Казахстане заговорили о трехязычии. Гаухар Гиниятуллина владела в совершенстве казахским, русским, татарским. Это был богатый, сочный, яркий литературный язык, результат сотен прочитанных книг великих классиков.

Но вернемся к рассказу о моей однокласснице и ее первом супруге. Мама не ошиблась: красивая пара через несколько лет распалась. Гаухар Гиниятуллина в своей профессиональной биографии ни разу не прогадала! Многолетняя работа, богатый жизненный опыт, тонкая психика и женское чутье позволяли определить: будет семья или нет. Некоторых еще не состоявшихся молодоженов мама отговаривала на стадии подачи заявления. Кто-то отказывался от брака, понимая правоту заведующей ЗАГСом, другие все-таки женились, потом каялись... Жизнь непред-

сказуема. Но тех, кто прожил в счастливом семейном браке многие годы, было подавляющее большинство. На смену одному поколению приходили молодые и продолжали строить прекрасный город Кентау. Никто и не думал: на оборонку работаешь, или еще зачем? Просто все понимали: труд – на благо Родины.

А потом страны не стало. Советский Союз под диктовку кукловодов «вашингтонского обкома» успешно развалили новоявленные «кремлевские мечтатели». Богатейшую страну разграбили. И пустили «по миру» миллионы и миллионы обездоленных. Впрочем, Советы окончательно прекратили свое существование не тогда, когда сорвали со всех флагштоков алые стяги и растащили все, что было можно и не можно. Родины не стало в тот момент, когда людей, облеченных властью, окончательно покинули остатки совести. Ничего святого!

Как Кентау выжил – загадка. Но выстоять моему Городу помогли такие люди, как мама и мой брат. Скоро можно будет отмечать полувековой юбилей педагогической работы Валихана. Он, ученик легенды казахстанского футбола Тимура Сегизбаева, сам воспитал тысячи пацанов. И ни одного своего ребенка! Разменяв седьмой десяток, он ни разу не женился.

«Женись, несмотря ни на что, – призывал еще в древности Сократ. – Если попадется хорошая жена, будешь исключением, если плохая – станешь философом». Ни тем, ни другим Валихан становиться не захотел. А «в пожилом возрасте, – как утверждает Бальзак, – любовь превращается в порок». Ему же вторит Бернард Шоу: «Если человек не влюблялся до сорока лет, то лучше ему не влюбляться и после». Сказать, что Валихан никогда не влюблялся, нельзя. Влюблялся, да еще как! Взаимности не было. Вот и разочаровался. Глядя на своих воспитанников – будущих футболистов и их родителей, брат, по всей видимости, понял тайну бытия, с которой ни с кем не хочет делиться. И обручиться раз в жизни, ну, хотя бы ради интереса, с представительницей прекрасной половины человечества – тоже не возникло желания. Мама, узаконившая браки двадцати пяти тысяч влюбленных пар (подсчитали в городском акимате накануне 80-летнего юбилея Гаухар Бахытжановны), так и не смогла женить своего среднего сына. Великий парадокс, который до сих пор не находит объяснения!

– А теперь – Винокуры! – голос Валихана не терпел возражений. К ленточке «старт» подошли два пухлых симпатичных создания небольшого роста в абсолютно одинаковой спортивной форме. Я буквально онемел. Это были «клоны» Владимира Винокура! Настолько похожи на российского артиста.

- Дети Винокура? – пошутил я.
- Племянники-двойняшки, – услышал спокойный голос брата в ответ.
- Как они попали в Кентау?
- Не знаю, привели родители, которым порекомендовали меня.

Кентау – место удивительное. С раннего детства помню приезд разных знаменитостей. То Владимир Высоцкий заглянет с концертом, то Вольф Мессинг. На встрече с великим магом побывал старший брат – Нурлан. Он пришел домой полный впечатлений и вскоре написал письмо. Нурлан разгадал один из фокусов иллюзиониста. Недели через три пришел ответ от чародея. Мессинг советовал брату серьезно заняться цирковым искусством. Старший Мамраимов к совету не прислушался и после службы на атомной субмарине ВМФ СССР поступил в «Щепку» – так называют Московское театральное училище имени М. С. Щепкина, в мастерскую Станислава Любина.

Мама с Валиханом, как и тысячи других горожан, остались верными своей Малой родине. И победили! Сегодня Кентау, несмотря на великие сложности, возрождается. Но пройти такие испытания без потерь невозможно. За «перестройку» и развал страны мы заплатили жизнями старшего брата и его сыновей – Тимура и Наримана. Громом среди ясного неба прозвучал голос Валихана в телефонной трубке: «Умер Тимур». Очередное свидание с родным городом было тяжелым. Похороны, поминки, бесконечные причитания и слезы – тяжелая доля. Провожать в последний путь родных детей – трагедия. А внуков? Ведь их бабушки-дедушки любят еще сильнее! Как мог, утешал маму. Татары – народ стойкий. Женщины-татарки – кремь! И не заметил, как Гаухар Бахытжановна взяла себя в руки и сама стала успокаивать нас с Валиханом.

...Голубая корочка новенького загранпаспорта смотрелась нереально на фоне некоего беспорядка, царящего в доме после поминок.

– Куда собрался? – спрашиваю брата.

– Это мамин паспорт.

– Мамин?!

Я не стал больше ничего спрашивать. Просто еще раз убедился: даже в 84 года мама остается человеком, который очень любит жизнь и будет жить. Всем бедам и горестям назло! И даже эфемерные границы, которые буквально «по живому» искромсали тело некогда единого государства, не могли остановить Гаухар Гиниятуллину. Мама до последних дней ездила к своим родственникам. То в Россию – к сестрам, то к младшему брату – в Узбекистан. Старшее поколение – совершенно другая генерация, которая отстояла Родину во время Второй мировой, отстроила страну после войны и... вырастила нас, продолжателей своих замечательных дел.

...Иномарка-такси летела с бешеной скоростью. Нужно было успеть на поезд, который уже готовился к отправлению с туркестанского вокзала, что в тридцати километрах от Кентау. В мой родной город поезда не ходят. И самолеты, как в благословенные советские времена, не летают. Путались мысли, сливались в одну нечеткую, почти размытую картину деревня, сельские дома, кусты, саманные дувалы, весенняя трава... И тут я отчетливо стал различать маки вдоль обочины. Яркие, красные – их нельзя было не увидеть. Какая красота! Всю ночь шел проливной дождь, словно оплакивая племянника, а наутро поднялся страшный ветер, всей своей силой протестуя против совершенно неестественного ухода молодого тридцатилетнего парня по имени Тимур. А крохотные маки не сдавались. Стихия готова была их вырвать с корнем и унести далеко-далеко. Но маленькие хрупкие цветы боролись за жизнь. Они гнулись, прижимались к земле, снова выпрямлялись и продолжали тянуться к солнцу, радуя глаз. Многочисленные авто неслись по шоссе, буквально выталкивая встречные машины на обочину узкой дороги. «Железные кони» так и норовили подмять под себя божественные создания.

Придорожный мак – цветок недолговечный. Появился на несколько дней, осыпались лепестки и... прощайте, люди, до следующей весны. Счет их жизни идет не на годы, не на месяцы, а буквально на часы. Маков век – невелик, срок их очень короток. Но какое великое стремление к жизни!

